

Нильс Бор Даниила Данина и изменения “правил игры” в редакции серии “Жизнь замечательных людей” (1969-1978)*

Максим Лукин

◇ eSamizdat 2023 (XVI), pp. 85-99 ◇

РАССУЖДАЯ об “объединяющем принципе” микроисторических исследований, Джованни Леви выделяет “убеждение, что микроисторическое наблюдение поможет выявить до этого незамеченные факторы” исторического процесса¹. Микроистория обращается к механике “конкретного поведения и отношений (а то и мотивации) конкретных людей”, не сводящейся лишь к взгляду “сверху”². На мой взгляд, микроисторическая исследовательская оптика позволяет уточнить границы периодов в истории культуры, представления о которых часто являются ‘большими’, обобщающими нарративами. По выражению Жака Ле Гоффа, в процедуре периодизации истории заключена “идея перехода, поворота и даже отрицания общества и ценностей предыдущего периода”³; выделенные границы периодов могут опираться на коллективные ценностные суждения. Изучение одного микросюжета, произошедшего на стыке двух периодов, поможет реконструировать характер изменений в обществе и культуре.

Вслед за современниками событий, многие исследователи описывают советскую историю через крупные периоды, названия которых — ‘оттепель’⁴ и ‘застой’⁵ — носят оценочный характер. В

качестве момента завершения ‘оттепели’ исследователи выделяют крупные политические события (отставку Н. Хрущева и ввод войск в Чехословакию в 1968 г.)⁶ и процессы ужесточения репрессий и цензуры в культуре и науке (разгром выставки 1962 г. в Манеже, судебные процессы против деятелей культуры, отставку А. Твардовского с поста главного редактора “Нового мира” и т.д.)⁷.

На первый взгляд пример редакции серии биографий “Жизнь замечательных людей” (издательство “Молодая гвардия”; далее — “ЖЗЛ”) говорит о том же: в 1969 г. был уволен ее ‘оттепельный’ руководитель Ю. Коротков (1924-1989); его преемником стал историк и один из идеологов “русской партии”⁸ в советском обществе С. Семанов (1934-2011). Тем не менее, более пристальное рассмотрение практик работы редакции под руководством Семанова в этой статье демонстрирует сочетание инерционных процессов и разнонаправленных изменений.

‘Переходный’ период второй половины 1960-х — начала 1970-х гг. иногда описывается свидетелем

Brezhnev, в *Brezhnev Reconsidered*, под ред. Е. Васон — М. Sandle, New York 2002, с. 1-21.

⁶ А. Пыжиков, *Хрущевская оттепель: 1953-1964 гг.*, Москва 2002; Ю. Аксютин, *Хрущевская “оттепель” и общественные настроения в СССР в 1953-1964 гг.*, Москва 2010; С. Чупринин, *Оттепель: События. Март 1953 — август 1968 года*, Москва 2020.

⁷ Ю. Герчук, *Кровоизлияние в МОСХ, или Хрущев в Манеже 1 декабря 1962 г.*, Москва 2008; В. Эггелинг, *Политика и культура при Хрущеве и Брежневе. 1953-1970 гг.*, Москва 1999; Tu Bingyue, *Paradoxical Russian Nationalism in the Soviet Context: A Contentious Literary Debate in 1969-1970*, “Studies in East European Thought”, 2022, 74, с. 535-549.

⁸ Термин Н. Митрохина, описывающий сообщество советских деятелей культуры, партийных и государственных чиновников, в 1960-1980 гг. склонявшихся к идеологии русского национализма: Н. Митрохин, *Русская партия. Движение русских националистов в СССР. 1953-1985*, Москва 2003.

---

* Благодарю Илью Кукулина, Марию Майофис и Галину Орлову за ценные комментарии и советы.

¹ G. Levi, *On Microhistory*, в *New Perspectives on Historical Writing*, под ред. Р. Burke, University Park PA 1992, с. 97.

² О. Бессмертная, *Снова микроистория?*, “Новое литературное обозрение”, 2019, 6, https://www.nlobooks.ru/magazines/povoe_literaturnoe_obozrenie/160_nlo_6_2019/article/21779/#_ftnref14 (последнее обращение: 15.06.2023).

³ Ж. Ле Гофф, *Стоит ли резать историю на куски?*, Санкт-Петербург 2018, с. 10.

⁴ Об истории понятия ‘оттепель’ см. D. Kozlov — E. Gilburd, *The Thaw as an Event in Russian History*, в *The Thaw: Soviet Society and Culture During the 1950s and 1960s*, под ред. D. Kozlov — E. Gilburd, Toronto 2013, с. 18-84.

⁵ О возникновении понятия ‘застой’ см. Е. Васон, *Reconsidering*

лями и исследователями через гибридные термины: “поздняя оттепель”⁹, “долгая оттепель”¹⁰ и “ранний застой”. Микроисторический анализ конфликта, возникшего в редакции при работе над книгой Даниила Данина (1914–2000) *Нильс Бор* (его основная фаза пришлась на 1975–1976 гг.), поможет понять, что именно изменилось в работе одной редакции по сравнению с ситуацией 1960-х гг., и уточнить стратегии поступков и мотивацию отдельных деятелей культуры в новых условиях. В основу статьи положен принцип чередования масштабов: детальное рассмотрение конфликта в редакции дополняется более широкими контекстами — анализом биографии Данина, репутации Нильса Бора в СССР и трансформаций серии “ЖЗЛ” в 1960–1970-е годы.

В анализе конфликта я опирался на комплекс источников, сохранившихся в личном фонде Д. Данина (ф. 3149 Российского государственного архива литературы и искусства): копии писем Данина редакторам и оригиналы писем из редакции 1975–1976 гг. В том же фонде сохранились рецензии и замечания редакторов о рукописи книги. Для реконструкции более широкого контекста изменений в редакции серии “ЖЗЛ” я использовал документы из личного фонда С. Семанова (Отдел рукописей Российской государственной библиотеки) и исследовательские интервью с редактором серии в 1963–1973 гг. С. Резником (р. 1938), проведенное по видеосвязи в 2022 году¹¹.

БИОГРАФИЯ ДАНИИЛА ДАНИНА

Данин, заключивший договор с редакцией на написание книги о Боре 30 ноября 1970 г., к тому времени был уже известным и опытным писателем. В 1937 году он стал работать в качестве литературного консультанта в журнале “Знамя” и

начал публиковаться под псевдонимом Данин (его настоящая фамилия — Плотке). В это же время он учился в Литературном институте и общался с молодыми поэтами¹².

В июле 1941 г. Данин стал бойцом ‘писательской роты’ 8-й дивизии московского народного ополчения¹³. В октябре 1941 г. он был переведен в регулярную армию в качестве литературного сотрудника фронтовых газет. В 1942 г. Данин был принят в Союз писателей СССР, продолжал публиковать критические статьи; после демобилизации в 1946 г. он начал работать в комиссии Союза писателей по теории литературы и критике. Через три года Данин стал жертвой кампании по “борьбе с космополитизмом”:

Во главе критиков-формалистов — буржуазных эстетов стал Д. Данин, унаследовавший гнусные методы космополитов, в своё время травивших Маяковского и возвеличивавших Б. Пастернака и А. Ахматову. [...] Космополит Данин требовал от писателей изображения в их произведениях “конфликта в сознании”, раздвоенности сознания, морально-идейной неполноценности советского человека¹⁴.

Исключенный из кандидатов в члены партии, Данин провел год в геологической партии на Ангаре, и лишь в апреле 1950-го — когда обвинения были сняты — вернулся к работе. Опыт государственных репрессий превратил Данина в антисталиниста и — по советским меркам — либерального интеллектуала.

В середине 1950-х гг., после нескольких лет ‘невидимой’ работы внутренним рецензентом журнала “Знамя” и отдела критики “Нового мира”¹⁵, Данин обратился к популяризации естественных наук. В этом ему помогло первоначальное образование: в 1933–1936 гг. он учился на химическом, затем, в 1936–1941 гг. — на физическом факультете МГУ.

В 1957 г. вышли его книги об истории атомной физики *Для человека* и советских физиках-

⁹ Интервью А. Левинсона, 06.02.2022. Личный архив автора.

¹⁰ I. J. Csicsery-Ronay, *Soviet Science Fiction: The Thaw and After*, “Science Fiction Studies”, 2004, 31, с. 337–344. См. также использование этого понятия в работе: L. Oukaderova, *The Cinema of the Soviet Thaw: Space, Materiality, Movement*, Bloomington 2017.

¹¹ В 1982 г. С. Резник эмигрировал из СССР и живет в США, поэтому интервью проводились онлайн. Транскрипты интервью хранятся в моем личном архиве. Цитируемые в статье фрагменты интервью авторизованы.

¹² Н. Громова, *Распад. Судьба советского критика: 40–50-е годы*, Москва 2009, с. 46.

¹³ О. Budnitskii, “Pisatel’skaia rota”: *K istorii stalinizma voennogo vremeni*, “Cahiers du Monde russe”, 2021 (LXII), 1, с. 179–206.

¹⁴ Н. Грибачев, *Против космополитизма и формализма в поэзии*, “Правда”, 16.02.1949.

¹⁵ Д. Данин, *Время стыда: книга без жанра*, Москва 1996, с. 274.

атомщиках *Добрый атом*; в 1961 г. — сборник очерков *Неизбежность странного мира*¹⁶. Книги Данина относились к жанру “научно-художественной литературы” — по выражению Маттиаса Шварца, “новому типу литературы на пересечении художественного текста и научной журналистики”¹⁷. Этот жанр возник в советской литературе середины 1930-х гг., получил развитие в послевоенные годы и оставался заметным в 1960-е. По словам Шварца, Данин был его “самым видным защитником” в позднесоветские годы¹⁸. С 1960 года он руководил редколлегией альманаха *Пути в неземное: Писатели рассказывают о науке*. В 1967 в серии “Жизнь замечательных людей” была опубликована его биография Эрнста Резерфорда, переизданная через год. Замысел книги о Нильсе Боре возник у него после выхода *Резерфорда*, хотя редакторы “ЖЗЛ” предлагали ему фигуру Альберта Эйнштейна в качестве темы следующей книги. К этому моменту Данин получил признание в качестве популяризатора физики и хорошо понимал кулуарные механизмы советской литературной системы.

РЕПУТАЦИЯ НИЛЬСА БОРА В СССР

Статус Нильса Бора в советском публичном поле был двойственным. С одной стороны, с 1929 г. Бор был иностранным почетным членом Академии наук СССР, несколько раз посещал Советский Союз (в 1934, 1937, 1961 гг.)¹⁹ и одобрительно высказывался о советской науке и советском проекте в целом, называя его “грандиозным социальным экспериментом”²⁰. В Институте теорети-

ческой физики в Копенгагене, которым Бор руководил с 1921 г., стажировались советские физики (в 1930-м — Л. Ландау, с конца 1950-х гг. туда стали выезжать ученые Объединенного института ядерных исследований и других академических институтов).

Нильс Бор был одним из авторов копенгагенской интерпретации квантовой механики. Одной из ключевых идей копенгагенской интерпретации является принцип дополнительности: в соответствии с ним, исчерпывающее описание явлений микромира возможно с использованием двух классических, но противоречащих друг другу моделей — корпускулярной (микроскопические объекты проявляют свойства классических частиц) и волновой (свойства волн)²¹. В микромире нет состояний, в которых объект имел бы одновременно точные характеристики, присущие сразу двум классам явлений — таким образом физики поставили под вопрос применимость понятий классической механики к явлениям микромира. Копенгагенская интерпретация подчеркивает, что квантовая механика описывает не сами микрообъекты, а их свойства, которые проявляются при взаимодействии с классическими измерительными приборами²², т.е. в условиях макромира. Таким образом, эпистемологически копенгагенская школа физиков отходила от принципов детерминизма:

Повторение одного и того же опыта [...] дает, вообще говоря, разные отсчеты, относящиеся к объекту; этот факт непосредственно приводит к выводу, что обобщающая формулировка полученных из опыта результатов в этой области должна выражаться в форме статистических (вероятностных) законов²³.

В рамках советской философии копенгагенская интерпретация считалась идеалистической: так, специалист по диалектическому материализму М. Омеляновский в 1962 году подчеркивал,

(40-50 годы). *Труды международного симпозиума ИСАП-96*, Москва 1997, с. 459.

¹⁶ Книга была номинирована на Ленинскую премию 1962 г. и переведена на 11 языков (С. Чупринин, *Оттепель: действующие лица*, Москва 2023, с. 287).

¹⁷ M. Schwartz, *A New Poetics of Science: On the Establishment of ‘Scientific-Fictional Literature’ in the Soviet Union*, “The Russian Review”, 2020 (LXXIX), 3, с. 416.

¹⁸ Ivi, с. 431.

¹⁹ Так, в рамках визита 1961 года Бор посетил президента АН СССР, физический факультет МГУ, Институт атомной энергии им. Курчатова, Объединенный институт ядерных исследований в Дубне, Грузинскую ССР (см. В. Белоконов, *Нильс Бор в гостях у советских ученых*, “Успехи физических наук”, 1962 (LXXVI), 1, с. 185-189).

²⁰ С. Ковалева и др., *Пребывание Нильса Бора в России*, в *Наука и общество: история советского атомного проекта*

²¹ М. Джеммер, *Эволюция понятий квантовой механики*, Москва 1985, с. 184-188. Так, свет может быть описан одновременно и как череда волн, и как поток частиц.

²² Н. Бор, *Дискуссии с Эйнштейном о проблемах теории познания в атомной физике*, в Iidem, *Атомная физика и человеческое познание*, Москва 1961, с. 60.

²³ Iidem, *Квантовая физика и философия (Причинность и дополнительность)*, “Успехи физических наук”, 1959 (LXVII), 1, с. 40.

что “проблема реальности, с которой имеет дело квантовая теория, получила в копенгагенской интерпретации далекое от материализма, в основе своей субъективистское толкование”²⁴. Субъективной считалась идея о неконтролируемом взаимодействии между объектами микромира и измерительными приборами, согласие с которой потребовало бы пересмотра “понятия объективной реальности”²⁵. Омеляновский предлагал рассматривать корпускулярные и волновые характеристики микрообъектов как “единство противоположностей”, признавая в открытии этого явления копенгагенскими физиками “стихийное приближение” к диалектическому материализму. По замечанию историка науки Алексея Кожевникова, подобная стратегия критики “физического идеализма” встречалась и в работах других советских философов науки²⁶.

Помимо проблем с рецепцией идей копенгагенской школы в советской философии, биография Нильса Бора в советском контексте обрела особое политическое значение. После окончания Второй мировой войны Бор последовательно выступал против использования ядерного оружия и начавшейся Холодной войны, подчеркивая этическую ответственность ученых за использование результатов их исследований политиками. В своих мемуарах А. Сахаров вспоминал, что писал *Размышления о прогрессе, мирном сосуществовании и интеллектуальной свободе* (1968) под влиянием пацифистских статей Бора и Альберта Эйнштейна²⁷. Разговор о ядерной физике был напрямую связан с дискуссиями об использовании атомного и водородного оружия. Кроме того, для Данина Нильс Бор выступал символом передовой науки, меняющей представления о мире: не случайно первоначальным замыслом книги Данина было сравнительное жизнеописание Бора и Паб-

ло Пикассо²⁸. Таким образом, книга о Боре была высказыванием по очень актуальному поводу в идеологически заряженном поле.

Биография Бора состояла из четырех частей с эпилогом. Первая часть *Человек вертикали* была посвящена его семье, детству и образованию. В следующей части, *Возвышение и одиночество*, Данин писал о начале научной карьеры физика, его экспериментах в кембриджской лаборатории, Первой мировой войне и начале исследований в области квантовой механики. Третья часть (*Годы сбывшихся надежд*) описывала интеллектуальную историю копенгагенской интерпретации квантовой механики и взаимодействие Бора с сотрудниками его института. Последняя часть книги (*Наедине с человечеством*) рассказывала о научной деятельности Бора в межвоенный период, его визитах в СССР, антифашистской и антивоенной деятельности, участии в атомном проекте США и послевоенных антиядерных заявлениях. Ключевым принципом построения текста было переплетение хроники жизни Бора, его общения с коллегами и эволюции физики в XX веке.

Проведенный выше анализ биографии Данина и репутации Бора в СССР позволяет сменить масштаб и перейти к рассмотрению конфликта в редакции серии “ЖЗЛ” на микроуровне.

КОНФЛИКТ В РЕДАКЦИИ

Д. Данин работал над рукописью книги с 1969 г. — момента первой командировки в Копенгаген. В архиве Нильса Бора писатель получил доступ к уникальному корпусу свидетельств — Архиву источников к истории квантовой физики. В послесловии книги он особенно выделял комплекс интервью, которые группа историков под руководством Томаса Куна взяла в 1961–1964 гг. у Бора, В. Гейзенберга, П. Дирака и других физиков. В процессе работы Данин находился в длительной переписке с руководителем архива Леоном Розенфельдом, общался с семьей, бывшими ассистен-

²⁴ М. Омеляновский, *Философская эволюция копенгагенской школы физиков*, “Известия Академии Наук СССР”, 1962, 9, с. 88.

²⁵ Ivi, с. 89.

²⁶ А. Кожевников, *Stalin's Great Science. The Times and Adventures of Soviet Physicists*, London 2004, с. 222–224.

²⁷ А. Сахаров, *Воспоминания*, <http://www.ihst.ru/projects/sohist/memory/sakhmem/2-2.htm>, (последнее обращение: 06.08.2023).

²⁸ Д. Данин, *Монолог-67, или Дневник одного года*, в Idem, *Нестрого как попало: неизданное*, Москва 2012, с. 45. Запись от 25.04.1967.

тами и учениками Бора²⁹.

По условиям договора Данин должен был предоставить рукопись 15 декабря 1971 г., но попросил об отсрочке; еще одна отсрочка была предоставлена писателю в мае 1973 г.³⁰ Рукопись была закончена в январе 1975 года; к тому моменту три части книги из четырех были опубликованы в журнале “Наука и жизнь”. Несколько месяцев Данин сокращал рукопись и 28 апреля 1975 г. предоставил ее в редакцию. В сентябре 1975 г., после 5 месяцев редакционной работы, Данин с сожалением подчеркивал, что подготовка книги к печати “зашла в тупик”³¹. Его письмо сопровождалось нетипичным для издательской практики документом — почти тридцатистраничной объяснительной запиской о редактировании рукописи летом и осенью 1975 года³². Моя реконструкция конфликта опирается на сопоставление записки Данина с письмами редакторов к нему.

В середине июня 1975 года сотрудник Института истории естествознания В. Карцев подготовил рецензию на рукопись³³; Данин принял советы рецензента (убрать “возвышенность стиля” и облегчить рассказ о принципах квантовой механики) и внес правки в текст. 30 июня редактор книги А. Ефимов передал Данину письмо с замечаниями и комментарии к рукописи.

По словам Данина, начало работы было привычным: редактор “сказал [. . .] что я вправе принимать его требования в той мере, какую сочту справедливой”³⁴. С частью предложений (снять ‘выспренности’ в стиле, избавиться от описаний сообщества ученых как ‘элитарного’) писатель согласился, но часть отверг. Так, Данин оспорил тезис Ефимова о том, что изображение нацизма в

книге сводится лишь к Холокосту³⁵ и напомнил о “разнообразном зле”, описанном в книге: антикоммунистических акциях нацистов, Мюнхенской конференции, аншлюсе Австрии, оккупации стран Европы. Помимо этого, он не согласился с замечаниями о том, что ученые изображены как “высшая каста посвященных, которых [...] не трогают вопросы, волнующие человечество” — мысль о политическом значении исследовательской работы подчеркивалась на протяжении всего текста³⁶; и о недостаточном осуждении В. Гейзенберга как “нациста” и сторонника ядерного оружия (Данин противопоставил этому послевоенную эволюцию ученого)³⁷.

Через месяц — 28 июля 1975 г. — Данин вернул в редакцию исправленную рукопись (по его подсчетам, с 400 коррективами)³⁸. В тот же день Данин и Ефимов договорились с художественным редактором издательства о сроках предоставления иллюстраций для книги³⁹. Через две недели, 11 августа писатель получил второе письмо редактора: рукопись была возвращена на “серьезную доработку”⁴⁰.

В письме редактор вводил шесть новых предложений — изложу их тезисно: 1) добавить “марксистско-ленинскую оценку” причин двух мировых войн и появления фашизма (как “порождения империалистической буржуазии”); 2) дать “политическую оценку” участия Бора и других физиков в атомном проекте США; 3) показать “решающую роль Советского Союза в разгроме гит-

²⁹ Idem, *Нильс Бор*, Москва 1978, с. 546-547.

³⁰ Редакция серии “ЖЗЛ” — Д. Данину, 29.05.1973, Москва, Российский государственный архив литературы и искусства (далее — РГАЛИ). Ф. 3149. Оп. 1. Д. 404. Л. 50.

³¹ Д. Данин — заведующему редакцией “ЖЗЛ” С. Семанову, 12.09.1975, Москва, РГАЛИ. Ф. 3149. Оп. 1. Д. 397. Л. 28.

³² Д. Данин, *Объяснительная записка о редактировании рукописи книги “Нильс Бор”* (ЖЗЛ, июнь-сентябрь 1975), Москва, РГАЛИ. Ф. 3149. Оп. 1. Д. 397. Л. 29-57.

³³ Карцев был автором нескольких книг об ученых в серии “ЖЗЛ”: *Максвелл, Ньютон и Кржижановский*.

³⁴ Д. Данин, *Объяснительная записка*, указ. соч., Л. 30.

³⁵ Эта претензия содержала антисемитский подтекст: упоминания Холокоста в СССР часто подвергались цензуре на основании того, что нацисты уничтожали не только евреев, но и другие этносы (Я. Грицак, *Холокост по-простому*, “Ab Imperio”, 2010, 1, с. 128-137).

³⁶ Так, к примеру, 4-я часть книги *Наедине с человечеством* посвящена попыткам Бора остановить создание ядерного оружия, встречам с У.И. Черчиллем, конфликтом с В. Гейзенбергом в 1941 г. из-за его работы в немецком атомном проекте, пацифистских взглядах Бора в 1950-е.

³⁷ В 1957 г. Вернер Гейзенберг подписал “Геттингенский манифест”, призывавший канцлера ФРГ отказаться от попыток оснастить бундесвер ядерным оружием.

³⁸ Д. Данин, *Объяснительная записка*, указ. соч., Л. 36.

³⁹ “Упоминаю об этом, потому что две недели я жил с иллюзией, что все идет, как надо — нормальным деловым путем” (Л. 37).

⁴⁰ Подчеркнуто в источнике. Редактор А. Ефимов — Д. Данину, 11.08.1975, Москва, РГАЛИ. Ф. 3149. Оп. 1. Д. 404. Л. 55-58.

леризма”; 4) указать на значение “Великого Октября” и разницу между советской и “буржуазной” наукой; 5) усилить авторскую оценку описанных событий (не “доверять” ее героям книги); 6) поместить жизнь Бора в послевоенный период в политический контекст⁴¹. Помимо содержательных комментариев, Ефимов предлагал автору существенно сократить текст за счет многочисленных цитат и авторских отступлений, которые “порой несут на себе печать ложного глубокомыслия”⁴².

Отвечая на замечания редактора в “объяснительной записке”, Данин подчеркивал, что идеологически маркированные замечания редактора расходились с самим способом построения текста биографии. Данин цитировал фрагмент рукописи, который впоследствии был опубликован:

Война зарядила надолго.
“Бизнес — как обычно”, — со знанием дела сказал Черчилль. И даже не добавил — “кровавый”. В этом предстояло убедиться тем, кто не объявлял войны, а воевал⁴³.

И комментировал метод своей работы:

Образ кровавого бизнеса в сочетании с именем Черчилля однозначно отвечает азбучной формуле об империалистическом характере начинающейся войны. [...] Работа документальными деталями и образной публицистикой, а не голыми политическими формулами, нигде не приводит к ложным представлениям и уж конечно не снижает идейности текста. Напротив — придает ему еще и эмоциональную убедительность. [...] А редакция странным образом тянет автора на элементарную политическую статейность⁴⁴.

Именно поэтому комментарии Ефимова казались автору несоразмерными тексту: “я работал документальными деталями, а не нагими политическими декларациями в духе политграмоты”⁴⁵.

Полемизуя с другими комментариями редактора, Данин призывал помнить об антифашист-

ской мотивации Бора, присоединившегося к атомному проекту США, чтобы “опередить” немецких физиков (замечание 2); указывал на моменты, когда Бор слушал радиосводки о победах советских войск (замечание 3); цитировал фрагменты о “шагах мировой истории” (революции 1917 г.), за которой следили в Дании (замечание 4). Писатель признавал, что сделал по каждому пункту вставки в “обнаженно-публицистическом стиле” и расширил фрагменты о советских физиках. Тем не менее, Данин был вынужден отвергнуть пятое замечание — об отсутствии авторской оценки: “В понятие оценки входит не только прямая политическая квалификация или философское суждение, но и нравственное одобрение или хула, ирония или восхищение”. Автор настаивал на том, что оценка вплетена в образы героев биографии. Тезис об “исключенности” Бора из политического контекста он посчитал натяжкой⁴⁶.

Вопрос о сокращении рукописи, поднятый в письме редактора, Данин воспринял остро: из объяснительной записки становится ясно, что при заключении договора в 1970 г. автор договорился с редакцией о возможном объеме в 30 авторских листов (вместо 25, записанных в официальный текст договора). Летом 1975 г. рукопись превышала эту неформально согласованную норму всего на 1 авторский лист — но формально, по условиям договора, превышение было более значительным. Данин согласился убрать из рукописи *Копенгагенский дневник* — авторефлексивный фрагмент о работе автора в Архиве Бора, но считал дальнейшие сокращения невозможными: научный контекст работы Бора был минимизирован по сравнению с журнальной версией, его дальнейшее сжатие привело бы к ‘вульгаризации’ и потере неопубликованных архивных документов. 2 сентября 1975 г., после внесения описанных выше правок, Данин передал рукопись в редакцию.

8 сентября писатель получил третье письмо

⁴¹ “В расколоте послевоенном мире шла острая политическая и идеологическая борьба. Шла война в Корее и во Вьетнаме, в Алжире и на Ближнем Востоке. Развернулось активное движение за мир, в котором участвовали все передовые ученые и деятели культуры планеты. А Бор?” (Л. 57).

⁴² Ivi, Л. 57.

⁴³ Д. Данин, *Нильс Бор*, указ. соч., с. 157.

⁴⁴ Idem, *Объяснительная записка*, указ. соч., Л. 39. При этом трактовка термина Даниным была противоположна его первоначальному смыслу: Черчилль имел в виду поддержание повседневной жизни, а не коммерческую деятельность.

⁴⁵ Ibidem.

⁴⁶ Ivi, Л. 39-43. Так, Данин перечислял политические события, упомянутые в книге (Открытое письмо Бора в ООН, поездки по миру, участие в создании ЦЕРН) и недоумевал: “. . . американская агрессия во Вьетнаме и израильская агрессия против арабских стран развернулись уже после смерти Бора. . . Зачем Алжир? Почему не Куба или вся Африка?” (Л. 47).

А. Ефимова, выдержанное, по его словам, в “оскорбительно-поучающем тоне”. В начале письма редактор указывал на нежелание Данина “проявить добрую волю, т.е. отнестись добросовестно к замечаниям редакции”. В отличие от предыдущих писем, Ефимов комментировал не текст в целом, а конкретные идеологические ошибки Данина:

[...] “незримое интернациональное содружество исследователей природы” — на ошибочность этой формулировки Вам уже неоднократно указывалось. Напомню Вам, что “Интернационал” — это историческая реалья. И именовать так мифическое объединение ученых, одни из которых впоследствии будут работать над атомной бомбой для США, а другие — для фашистской Германии, просто кощунственно⁴⁷.

Отвечая на критику редактора, Данин указал, что в этой цитате имел в виду науковедческий термин — “незримые интернациональные колледжи”. Алексей Кожевников подчеркивает, что ставка Бора на интернациональный состав сотрудников была осознанной и объяснялась политическими (нейтральный статус Данина) и институциональными причинами: в условиях ограниченного финансирования теоретической физики пригласить иностранца, недавно защитившего диссертацию, было дешевле и быстрее, чем готовить ученых на внутреннем датском рынке⁴⁸.

Ефимов продолжил:

“Антинародный нацизм” — а разве бывает “народный” нацизм и т.д. Почти каждая Ваша вставка содержит ошибки и список замечаний, приведенный мною, можно было бы значительно расширить⁴⁹.

Помимо процитированных, ошибочным по мнению редактора было использование союза “и” во фразе “коммунисты и антифашисты” (“Что, коммунисты не являются антифашистами?”) или метафора “средиземноморское человечество” (“изобретенный Вами термин не соответствует марксистским положениям о классовых общественных формациях”). Хотя Ефимов критиковал отдельные ошибки, замечания имели общий

смысл: отказать Данину в советской идеологической лояльности и намекнуть на его приверженность “универсальному гуманизму”, то есть — на его “непатриотизм”. Данин, пострадавший в огромных кампаниях конца 1940-х гг., должен был отчетливо понимать это, но не мог сказать публично о значении редакторских претензий: в своем тексте он называет их “выговорами”⁵⁰ и “микроиздевками” — и отвечает зеркальными вопросами идеологического характера:

Кстати, насчет исторической реалии в критике редактора проявлена непростительная идейная небрежность: какой Интернационал имеется в виду — Первый или Третий, или Второй и Двухсполовинный? Это ведь принципиально разные реалии, не так ли? [...] Учить — так уж точно — без “идеологических ошибок”!⁵¹.

С точки зрения писателя, высказанной в переписке, конфликт с редактором объяснялся тремя причинами: 1) “непониманием документальной стилистики книги”; 2) “необоснованными требованиями к автору”; 3) “небрежном отношении ко всему, что сделал автор для усиления звучания общественно-политических мотивов в книге”⁵². Таким образом, Данин помещал свои разногласия с редактором в две плоскости: представлений о жанровой специфике биографии и о границах авторской автономии.

Конфликт продолжался. 21 октября редакция ответила на “объяснительную записку” Данина: по решению заведующего, внешним редактором рукописи был назначен Г. Смирнов — научный редактор журнала “Техника — молодежи”⁵³. Тем не менее, от идеологических требований редакция не отказалась — впервые сославшись на политический контекст: “Недавняя провокационная возня в связи с известной премией вокруг некоего скан-

⁵⁰ В тексте объяснительной записки он использует дисциплинарные метафоры, намекая на то, что Ефимов ведет себя с ним как начальник с нерадивым подчиненным: “строгий выговор”, “разнос”, “строгач с предупреждением”.

⁵¹ Д. Данин, *Объяснительная записка*, указ. соч., Л. 53. “Двухсполовинный” Интернационал считался в советской историографии “оппортунистическим” и “центристским” (“*Интернационал 2 1/2-й*”, в *Большая советская энциклопедия*, Х, Москва 1972, с. 328-329).

⁵² Ivi, Л. 56.

⁵³ С. Семанов — Д. Данину, 21.10.1975, Москва, РГАЛИ. Ф. 3149. Оп. 1. Д. 404. Л. 67.

⁴⁷ А. Ефимов — Д. Данину, 04.09.1975, Москва, РГАЛИ. Ф. 3149. Оп. 1. Д. 404. Л. 61.

⁴⁸ А. Kojevnikov, *The Copenhagen Network. The Birth of Quantum Mechanics from a Postdoctoral Perspective*, Berlin 2020.

⁴⁹ А. Ефимов — Д. Данину, 04.09.1975, Москва, РГАЛИ. Ф. 3149. Оп. 1. Д. 404. Л. 61.

дального знаменитого физика еще раз напоминает нам о необходимости остро политического подхода к такого рода явлениям”⁵⁴. По-видимому, после присуждения А. Сахарову Нобелевской премии мира (9 октября 1975 года) редакторы остерегались любых упоминаний о международной солидарности ученых и об автономии ученого в обществе, в особенности — о самостоятельной роли ученых в противостоянии ядерной угрозе независимо от советского руководства.

11 декабря Данин получил новое редакционное заключение Г. Смирнова, которое повторяло основные претензии предыдущих писем. В стиле редактирования Данин увидел угрозу устоявшимся критериям и конвенциям серии биографий:

Писателю предлагается выкидывать из текста почти все его размышления, догадки, психологические построения, человеческие тонкости в истории разных научных открытий и т.п. Словом, редактору-делеге неуютно почти все, что отличает работу писателя (а не историка) над биографией великого ученого. Так можно погубить ЖЗЛ!⁵⁵

Рассуждая о затянувшемся конфликте, Данин напоминал об условиях работы редакции в 1960-е:

[...] *Резерфорд*, дважды вышедший в ЖЗЛ, написан ТЕМ ЖЕ МЕТОДОМ и наполовину О ТОЙ ЖЕ ЭПОХЕ, что *Нильс Бор*. Но если бы в свое время та книга подверглась хотя бы на одну десятую предложенной мне сейчас редакции, она не была бы ни научно-художественной, ни широко известной.⁵⁶

Почему рукопись, частично опубликованная в периодике и прошедшая Главлит, ‘застряла’ в редакции? Для ответа на этот вопрос потребуется вернуться к более высокому уровню обобщения и проанализировать произошедшие к 1975 изменения в редакционной жизни.

РЕДАКЦИЯ СЕРИИ “ЖИЗНЬ ЗАМЕЧАТЕЛЬНЫХ ЛЮДЕЙ” В 1960–1975 ГГ.: ИЗМЕНЕНИЯ И ИНЕРЦИЯ

Серия биографий “Жизнь замечательных людей” была основана в 1890 г. российским издате-

лем Флорентием Павленковым: новацией Павленкова стал формат ‘библиотеки’, состоявшей из коротких и популярных биографий. С 1890 по 1915 гг. Павленков и наследники, руководившие изданием серии после его смерти в 1900 г., выпустили более 200 биографий, большая часть которых (140) была посвящена фигурам зарубежной истории и культуры⁵⁷. Вскоре после закрытия серии в 1915 г., Максим Горький попытался возродить издание. Революция 1917 г. и Гражданская война в России заставили его отложить эти планы, однако во время своей эмиграции Горький познакомился с модернистскими экспериментами в биографическом жанре (к примеру, в работах Вирджинии Вульф и Андре Моруа)⁵⁸. После возвращения в СССР, Горький использовал свои контакты с партийными элитами для перезапуска серии в 1933 г. В политическом контексте 1930-х гг. на серию были возложены задачи конструирования образа нового советского человека: по мнению Горького, книги в “ЖЗЛ” должны были опираться на исторические документы и контекст, быть “понятными массам” и предоставлять “модели для подражания” герою книги⁵⁹. Изначально книги печатались в Журнально-газетном объединении, но в 1938 г., через несколько лет после смерти Горького, редакция серии была включена в издательство ЦК ВЛКСМ “Молодая гвардия”. В результате первоначальный состав редакции ушел в отставку и молодежь стала ключевой аудиторией книг. Тем не менее, наследие Горького оставалось важным для редакторов в последующие периоды.

В 1960 г., когда Даниил Данин начал сотрудничать с редакцией “ЖЗЛ”, ей уже несколько лет заведовал Юрий Коротков — в прошлом комсомольский активист из Воронежа, переведенный в 1950 г. в ЦК комсомола, затем, в 1953 г. — в издательство “Молодая гвардия”⁶⁰. В 1958 г. Корот-

⁵⁴ Ivi, Л. 68.

⁵⁵ Д. Данин — С. Семанову, 21.12.1975, Москва, РГАЛИ. Ф. 3149. Оп. 1. Д. 397. Л. 60.

⁵⁶ Ivi, Л. 63. Выделено в источнике.

⁵⁷ L. A. Trigos — C. Ueland, *Writing and Rewriting the Literary Canon. A History of Russian Biography in the Lives of Remarkable People Series*, в *Literary Biographies in the Lives of Remarkable People Series in Russia. Biography for the Masses*, под ред. L. A. Trigos — C. Ueland, Lanham 2022, с. 9.

⁵⁸ Ivi, с. 13

⁵⁹ Ivi, с. 17.

⁶⁰ Коротков Юрий Николаевич (1924–1989), в *Московская энциклопедия. Том 1: Лица Москвы. Книга 2: И–М*, Москва 2008, с.

ков стал заведующим редакцией “ЖЗЛ” и перезапустил концепцию серии биографий. Во время Второй мировой войны серия была переименована в “Великие русские люди” — практически все выходявшие книги были посвящены деятелям российской истории. Хотя после войны серии вернули прежнее название, директор издательства в 1956 г. признавал ее ‘упадок’: “почти нет в серии книг о замечательных людях зарубежных стран. [...] многие книги серии написаны сухим, невыразительным языком, оформлены серо”⁶¹.

Ю. Коротков предложил издательству составить перспективный план из 200 героев биографий, представляющих основные регионы мира и области науки и культуры⁶² и призывал стремиться к идеалу “трамвайной биографии” — научно-художественной книги, увлекающей читателя настолько, что ее можно читать в городском транспорте⁶³. При Короткове расширилось число редакторов (до 7), между ними сложилось неформальное разделение обязанностей по тематическим полям (деятели революционного движения, науки, литературы и т.д.). К середине 1960-х гг. книги серии стали восприниматься в интеллектуальных и творческих сообществах как общественные события: социолог Алексей Левинсон особенно выделяет критический потенциал книг *Брехт* (Л. Копелев, 1966), *Гарсиа Лорка* (Л. Осповат, 1965), *Лунин* (Н. Эйдельман, 1970)⁶⁴.

Условия работы редакции начали меняться в 1966 году: после выхода критической рецензии академика Н. Дружинина на книгу А. Лебедева *Чаадаев* (1966)⁶⁵, деятельность редакции обсуждалась на Секретарите ЦК ВЛКСМ, а заведующе-

му редакцией вынесли замечание о необходимости “более требовательного подхода к рукописям, принимаемым к изданию”⁶⁶. В том же году в журнале “Знамя” вышла критическая статья А. Дымшица о книге Л. Копелева *Брехт*⁶⁷, воспринятая в интеллигентских кругах как сигнал ухудшения политической ситуации, поскольку к 1966 году Копелев стал одним из участников складывавшего диссидентского движения⁶⁸. Законченная в 1966 году книга С. Резника о Николае Вавилове ‘застряла’ в издательском производстве и вышла лишь в конце 1968 г., после нескольких попыток добиться ее издания⁶⁹. Сотрудники редакции воспринимали эти события как начало партийной кампании против “коротковской” “ЖЗЛ”⁷⁰.

В 1968 г. на пост директора издательства был назначен В. Ганичев (1933–2018) — до этого он работал в отделе пропаганды и агитации ЦК ВЛКСМ и, как и его предшественники, входил в неформальную группу вокруг первого секретаря ЦК комсомола С. Павлова. Комсомольские функционеры, входившие в эту группу, симпатизировали идеям русского национализма и стремились остановить вестернизацию советской молодежи в результате ‘оттепели’. К примеру, ‘павловцы’ создавали новые подконтрольные комсомолу социальные структуры, призванные усилить контроль за поведением молодежи (бригады народной милиции) или психологическую мобилизацию подростков (военизированная игра ‘Зарница’)⁷¹. Либерально настроенные редакторы воспринимали приход Ганичева в издательство как консервативный поворот: в интервью С. Резник пользуется более поздним понятием “национал-патриотические

264.

⁶¹ Директор издательства “Молодая гвардия” — ЦК ВЛКСМ, 06.08.1956, Москва, Российский архив социально-политической истории (далее — РГАСПИ), Ф. М-1. Оп. 32. Д. 818. Л. 86.

⁶² Интервью С. Резника, 01.02.2022.

⁶³ Г. Померанцева, *Биография в потоке времени. ЖЗЛ: замыслы и воплощения серии*, Москва 1987, с. 105.

⁶⁴ А. Турков — Ф. Искандер — А. Левинсон, *О Лебедеве и его “Чаадаеве”*, “Новое литературное обозрение”, 2003, 5, <https://magazines.gorky.media/nlo/2003/5/o-lebedeve-i-ego-chaadaeve.html> (последнее обращение: 07.08.2023).

⁶⁵ Н. Дружинин, *Чаадаев и проблема индивидуализма*, “Коммунист”, 1966, 12, с. 119–128.

⁶⁶ На языке советских официальных документов такое указание было формой критики без объявления выговора (Гл. редактор В. Осипова — редакции журнала “Коммунист”, 19.06.1968, Москва, РГАСПИ. Ф. М-42. Оп. 2. Д. 1644. Л. 12).

⁶⁷ А. Дымшиц, *Герой против автора*, “Знамя”, 1966, 9, с. 232–242.

⁶⁸ Л. Копелев — Р. Орлова, *Мы жили в Москве. 1956–1980*, Москва 1990, с. 204.

⁶⁹ С. Резник, *История с биографией*, “Семь искусств”, 2013, 38, <http://7iskusstv.com/2013/Nomer1/SReznik1.php> (последнее обращение: 07.08.2023).

⁷⁰ Интервью С. Резника, 01.02.2022.

⁷¹ См. подробнее: Н. Митрохин, *Русская партия*, указ. соч., с. 237–285.

рельсы”⁷². В отличие от своих предшественников, в изменившихся к концу 1960-х гг. политических условиях Ганичев мог позволить себе более радикальные действия:

С чего же начинать патриотическое, духовное, русское дело в издательстве? Конечно, с серии “Жизнь замечательных людей”. Я понимал, надо менять пропорции, посвящать как можно больше книг отечественной истории, подвижникам русской культуры и науки. Лицемерия и обмана в этой серии было сколько угодно⁷³.

В 1969 г. по инициативе Ганичева Юрий Коротков был уволен. Новым заведующим редакцией стал Сергей Семанов — историк, в 1950-е гг. работавший в отделе пропаганды Петроградского райкома комсомола в Ленинграде и в то же время сблизившийся с подпольными кружками русских националистов⁷⁴. Ганичев вспоминал о внутренней эволюции Семанова, произошедшей к концу 1960-х: “Я навел справки [...]. Он же ‘шестидесятник’, сторонник ‘оттепели’? Нет, эта болезнь прошла — он увлечен отечественной историей, русской культурой”⁷⁵. Важно, что в отличие от Короткова, для которого “ЖЗЛ” была основным жизненным проектом, Семанов не сразу согласился на эту должность и воспринимал ее как временную⁷⁶.

Свою программу изменений в концепции серии Семанов изложил в аналитической записке *Об изданиях биографической серии ЖЗЛ (июль 1969)*. Во-первых, с точки зрения Семанова, следовало “усилить воспитательное значение серии в условиях, когда среди молодежи наблюдаются нигилистические тенденции к (sic! — М. Л.) моральным, политическим, культурным и историческим ценностям”⁷⁷. Во-вторых, Семанов сетовал на нарушение необходимых, с его точки зрения,

соотношений в выборе ‘персонажей’ между деятелями мировой и российской истории:

Среди вышедших книг мы находим биографии Данте, Рубенса, Спинозы, Кампанеллы и многих иных. Это хорошо, но это лишь оттеняет затянувшееся игнорирование героев нашего национального прошлого. [...] С сороковых годов не появлялись в издании ЖЗЛ биографии Петра Великого, Суворова, Кутузова, адмирала Макарова⁷⁸.

Отдельно Семанов критиковал за “превышение объема” и “гигантоманию” книги В. Шкловского *Лев Толстой* и Д. Данина *Резерфорд*. Можно полагать, что объем книг был лишь одной из причин критики — дневники Семанова тех лет содержат частые антисемитские высказывания; одной из своих задач на посту руководителя он видел ограничение публикаций авторов-евреев⁷⁹.

Первые годы работы Семанова сопровождались сочетанием изменений и инерционных процессов. С одной стороны, Семанов начал кадровую перестройку и уволил редакторов-евреев: отвечавшего за переводные книги М. Брухнова и редактора отдела науки С. Резника (в 1973 г.). Кадровые изменения разрушали представления о разделении обязанностей и задачах редактора, сложившиеся в 1960-е:

Он не хотел, чтобы редактор имел какую-то автономию. Уходя, я ему сказал: “Я Вам советую выбрать одного человека на книги об ученых...”. Он сказал: “Да. Спасибо. Очень хороший совет”. И тут же дал две рукописи об ученых двум разным редакторам. Он не хотел, чтобы кто-то из нас чувствовал ответственность за какой-то раздел. Ему нужны были правщики, а не decision makers⁸⁰.

Элементы культурного канона, который Семанов стремился ввести в тематику серии, включали произведения о государственных и военных деятелях российской дореволюционной истории: он написал книгу об адмирале С. Макарове (1972) и опубликовал книги О. Михайлова об А. Суворове (1973) и Н. Павленко о Петре I (1975). В этом

питательное значение” в языке того времени выступало общепонятным эвфемизмом, обозначающим приемлемую в советском публичном поле идеологизацию.

⁷² Ivi. Л. 6.

⁷³ С. Семанов, *Дневник 1969 г.*, указ. соч., с. 219, 222, 223, 226.

⁷⁴ Интервью С. Резника, 01.02.2022. Об отказе от “разделов” вспоминала и Г. Померанцева (старший редактор серии с начала 1950-х): Г. Померанцева, *Биография*, указ. соч., с. 175.

⁷² Интервью С. Резника, 01.02.2022.

⁷³ В. Ганичев, “*Молодая гвардия*”. 1968-1978. Из воспоминаний, “Москва”, 2013, 9, https://www.moskvam.ru/publications/publication_963.html (последнее обращение: 07.08.2023).

⁷⁴ Н. Митрохин, *Русская партия*, указ. соч., с. 186.

⁷⁵ В. Ганичев, “*Молодая гвардия*”, указ. соч.

⁷⁶ “Все хотят, чтобы я возглавил ЖЗЛ, но сами-то предпочитают роль советников и идеологов. Еще бы! Кому охота заниматься весьма важной, но черновой работой?” (С. Семанов, *Дневник 1969 г.*, “Вопросы национализма”, 2012, 12, с. 223. Запись от 09.07.1969).

⁷⁷ С. Семанов, *Об изданиях биографической серии ЖЗЛ. Июль 1969*, Москва, Отдел рукописей Российской государственной библиотеки. Ф. 887. К.1. Д. 23. Л. 1. Выражение “усилить вос-

отношении его взгляды пересекались с ‘руссоцентрической’ культурой 1940 гг., исследованной Дэвидом Бранденбергером⁸¹. Кроме того, Семанов был заинтересован в публикациях о православных интеллектуалах: вышедший в 1972 г. сборник *Русские писатели XVII века* 1972 года включал биографии протопопа Аввакума (Д. Жуков) и Симеона Полоцкого (Л. Пушкарев). Отдельным направлением его работы были книги ‘антисионистской’ направленности: так, в 1975 г. вышла книга А. Агарышева о недавно умершем президенте Египта Г. Насере, воевавшем с Израилем.

С другой стороны, в первые годы его руководства в серии продолжали издавать расхвалившиеся с его взглядами книги, работа над которыми началась в 1960-е: например, *Швейцер* Б. Носика (1971), *Лукин* Н. Эйдельмана (1970) и *Хемингуэй* Б. Грибанова (1970). Подобная инерция была вызвала долгим циклом подготовки биографий, плановой логикой книгоиздания и устойчивостью связей между редакторами и авторами⁸². Данин заключил договор на *Нильса Бора* именно в этот ‘переходный период’: момент трансформации идейной повестки и управленческих принципов серии; конфликт с редакцией позволил ему зафиксировать результат — изменение “правил игры”, знакомых писателю с 1960-х. Таким образом, кейс Данина, выбивающийся из привычной практики редакционно-издательского процесса (“нормальное исключение”)⁸³, позволяет более детально рассмотреть мотивации его участников и факторы, влиявшие на процесс принятия решений в книгоиздании.

МОТИВЫ “ИГРОКОВ” И РЕШЕНИЕ КОНФЛИКТА

Описанный контекст позволяет уточнить детали конфликта между Д. Даниным и редакцией: при заключении договора в 1970-м рукопись планировал редактировать С. Резник (редактор *Резерфорда*); после его увольнения работа была передана А. Ефимову, который не занимался до этого биографиями ученых. Ефимов, пришедший в “ЖЗЛ” в начале 1960-х гг. после окончания Московского полиграфического института, к моменту работы над книгой относился к Данину враждебно и намеренно провоцировал конфликт. В дневнике 1967 года Данин оставил запись о “сочувственно-издевательской улыбочке” Ефимова в момент цензурного вмешательства Главлита в книгу *Резерфорд* (тогда из верстки был вырезан фрагмент о запрете П. Капице вернуться из СССР в Кембридж в 1934 г., санкционированном И. Сталиным и Политбюро)⁸⁴. В добавлении 1978 года к этой записи Данин подчеркивал, что к середине 1970-х Ефимов “превратился в православного монархиста [...] и теперь бессонный стимул его редакторской бдительности — бить жидов и спасти Россию!”⁸⁵. Об идейной трансформации Ефимова и его “альянсе” с Семановым вспоминал в интервью и С. Резник, близко общавшийся с ним в 1960-е⁸⁶.

Семанов мог воспринимать книгу *Нильс Бор* как враждебную по ряду причин: помимо еврейства Данина, принадлежность Бора к западному миру и секуляризм его мышления расходились с идеологической программой заведующего редакцией, во многом основанной на принципах этнического национализма, монархизма и религиозности. Культурные образы физиков 1960-х вызывали у Семанова раздражение — рассуждая о моде на профессии, в дневниковой записи 1969 г. он саркастически заметил: “В конце 1950-х геологи невозвратно ушли в небытие и воцарились физики. Царствовали они целое десятилетие, и слава их

⁸¹ D. Brandenberger, *National Bolshevism: Stalinist Mass Culture and the Formation of Modern Russian National Identity, 1931-1956*, Cambridge 2002.

⁸² Интервью С. Резника, 01.02.2022.

⁸³ Понятие “нормального исключения” подчеркивает интерес микроистории к пограничным случаям, “где сходятся несколько норм и типажей”: М. Велижев — Т. Атнашев, *Микроистория и проблема доказательства в гуманитарных науках*, “Новое литературное обозрение”, 2019, 6, https://www.nlobooks.ru/magazines/novoe_literaturnoe_obozrenie/160_nlo_6_2019/article/21779/ (последнее обращение: 15.01.2024).

⁸⁴ Д. Данин, *Монолог-67, или Дневник одного года*, в *Idem, Нестрого как попало: неизданное*, Москва 2012, с. 24. Запись от 08.02.1967.

⁸⁵ Ivi, с. 25.

⁸⁶ Интервью С. Резника, 01.02.2022.

была самой звонкой и всеобъемлющей”⁸⁷. Данин понимал, что сопротивление редакции вызвано именно этими причинами. Вероятно, целью Семанова и Ефимова было, насколько это возможно, замедлить редакционную подготовку рукописи, повысить степень эмоционального напряжения и добиться отзыва рукописи.

Переписка с редакцией продолжалась. 6 января 1976 г. писатель получил ответ С. Семанова, в котором тот напомнил о “доброй воле” редакции, принявшей рукопись с опозданием в 2,5 года. Семанов повторил основные тезисы второго письма Ефимова о необходимости “партийной оценки” ученых, напоминая о “грязной кампании по поводу физика А. Сахарова”:

Либо Вы начнете доброжелательное сотрудничество с редакцией, либо редакция вынуждена будет, к сожалению, порвать с Вами деловые отношения, как с автором, не выполнившим условия договора⁸⁸.

12 января Данин встретился с директором издательства В. Ганичевым, который занял позицию “над схваткой” и выступил третейским судьей в конфликте: согласился с правотой Данина и указал на необходимость найти нового редактора для рукописи⁸⁹. Тем не менее, в конце января Данин с удивлением узнал, что редакция вновь поручена А. Ефимову. 16 февраля писатель передал редакции отредактированную и сокращенную рукопись. В середине мая были готовы новые комментарии Ефимова.

В новой рецензии Ефимов повторял мысль о недостатке “классового подхода” в интерпретации событий и исторических фигур: так, к примеру, рассуждая о миротворческих инициативах Бора, Данин слишком нейтрально (не “расчислил”) описал посла Великобритании в США Эдварда Вуда, графа Галифакса — по выражению редактора, “приверженца экспансионистских притязаний”⁹⁰.

Ефимов предложил существенно расширить часть книги о политическом устройстве Дании и обстоятельствах ее оккупации. Новой оказалась ‘антисионистская’ линия рецензии: “существует фотография, на которой запечатлены Бен-Гурион и Эйнштейн, причем последний в обществе этого политика никаких тягот не испытывает”, “Эйнштейн выступал на концерте, который был организован сионистами в синагоге”⁹¹. Антифашистская деятельность в годы Второй мировой войны названа в рецензии “расовым аспектом деятельности Бора — спасением ‘неарийцев’”⁹².

Появление новых комментариев казалось Данину нарушением рабочей этики: “Нельзя превращать редактуру в сказку про белого бычка: сначала выдвигать одни замечания, потом — после их удовлетворения или снятия — другие, потом третьи”⁹³. В письме Ганичеву Данин настаивал на бессодержательности конфликта (“преднамеренное издевательство над непокорным писателем”).

В конце мая 1976 г. в редакции “ЖЗЛ” сменился заведующий — новым руководителем стал филолог Ю. Селезнев (1939–1984), идейно близкий Семанову. По воспоминаниям Семена Резника, Селезнев не был настроен менять сложившийся к тому моменту порядок работы⁹⁴. Тем не менее, после очередного обмена письмами между Ганичевым и Даниным, 16 июня 1976 г. Селезнев сообщил телеграммой о завершении рассмотрения рукописи и пригласил писателя для ее подготовки к печати⁹⁵.

Причины, по которым рукопись была одобрена уже через месяц после появления третьей рецензии Ефимова, можно реконструировать, учитывая дополнительный фактор — обращение Данина к влиятельным в советской литературной среде фигурам. В статье о механизмах социальной кооперации в позднесоветской системе культурного производства И. Кукулин, М. Майофис и М. Четверикова вводят понятие бэкстейджей — коммуни-

⁸⁷ С. Семанов, *Дневник 1969 г.*, указ. соч., с. 218. Запись от 03.02.1969.

⁸⁸ С. Семанов — Д. Данину, 06.01.1976, Москва, РГАЛИ. Ф. 3149. Оп. 1. Д. 404. Л. 73.

⁸⁹ Д. Данин — В. Ганичеву, 18.05.1976, Москва, РГАЛИ. Ф. 3149. Оп. 1. Д. 397. Л. 65–72.

⁹⁰ А. Ефимов, Рецензия, 26.04.1976, Москва, РГАЛИ. Ф. 3149. Оп. 1. Д. 469. Л. 15.

⁹¹ Ivi, Л. 21.

⁹² Ivi, Л. 22.

⁹³ Д. Данин — В. Ганичеву, 18.05.1976. Л. 67.

⁹⁴ Интервью С. Резника, 01.02.2022.

⁹⁵ Телеграмма Ю. Селезнева, 16.06.1976, Москва, РГАЛИ. Ф. 3149. Оп. 1. Д. 404. Л. 79.

кативных эпизодов, “во время которых участники обсуждают существующие нормы функционирования литературного сообщества и его институтов — почти всегда неписанные — и возможности эти нормы изменить или обойти”⁹⁶.

Подобным бэкстейджем для Данина стало общение с Семеном Резником, редактором его первой биографии:

Я помню, как сейчас, поскольку я уже там не работал и не имел никаких внутренних обязательств перед редакцией, но я знал внутреннюю кухню, поэтому он мне иногда звонил, советовался: как, что⁹⁷.

Возможно, в процессе этой коммуникации возникла идея обратиться к первому секретарю Союза писателей СССР Г. Маркову (1911-1991). Письмо Данина было отправлено Маркову 27 декабря 1975 года — в момент, когда судьба книги еще не была решена. Писатель благодарил его за “внимание и поддержку”, а также сообщал детали конфликта с редакцией: “думая о Вашем предстоящем разговоре с В. Ганичевым”⁹⁸.

Поводом для благодарности со стороны Данина могло стать выступление Маркова на Пленуме Правления Союза писателей СССР в марте 1973 года. В своем докладе он включил Данина в список авторов, достигших успехов в “пропаганде достижений науки и техники” и изображении труда ученых⁹⁹. Другие писатели и журналисты, перечисленные Марковым (Б. Агапов, Г. Фиш, В. Чивилихин и др.) не издавали книг в “ЖЗЛ”¹⁰⁰ — таким образом, литературный секретарь отметил Данина лично, а не как одного из авторов серии.

Хотя в 1970-е гг. Марков ассоциировался с “секретарской” литературой¹⁰¹ и консервативно-

националистической идеологией (характерно упоминание в его выступлении В. Чивилихина — члена “русской партии”, одного из одиннадцати “подписантов” погромного письма “Против чего выступает ‘Новый мир?’”), по-видимому, его позиция не исчерпывалась этим. В тексте доклада он несколько раз упоминает о потребности в “увлекательных” очерках о явлениях научно-технического прогресса: атомной энергетике и освоении космоса, химии, кибернетике, генетике, внедрении новой техники, развитии нефте- и газодобывающей промышленности¹⁰². Выступая в поддержку Данина в общении с Ганичевым, Марков, вероятно, руководствовался своими ценностями — советскими представлениями о необходимости научно-технического прогресса и пропаганды новых достижений науки и техники. Для Ганичева же издание книги о Боре стало возможностью проявить лояльность вышестоящему литературному чиновнику.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ: Нильс Бор ДАНИИЛА ДАНИНА КАК МАРКЕР ОБЩЕСТВЕННЫХ И КУЛЬТУРНЫХ ИЗМЕНЕНИЙ

История издания *Нильса Бора*, с одной стороны, позволяет увидеть трансформацию представлений о принципах рабочих отношений в одной организации: именно в редакции “ЖЗЛ”, поскольку в “Науке и жизни” текст выходил без затруднений. Данин диагностировал расхождение с принципами редактирования и ‘микроклиматом’ 1960-х гг., случившееся чуть позже общепринятой границы ‘застоя’. В этом смысле казус Данина демонстрирует переходный момент между оттепелью и застоем как “большими нарративами”¹⁰³ в периодизации истории культуры и уточняет стратегии

⁹⁶ И. Кукулин — М. Майофис — М. Четверикова, *Кулуарные импровизации: социальная кооперация, обход правил и процессы культурного производства в позднем СССР. Статья первая*, “Новое литературное обозрение”, 2022, 174, с. 86.

⁹⁷ Интервью С. Резника, 01.02.2022.

⁹⁸ Д. Данин — Г. Маркову, 27.12.1975, Москва, РГАЛИ. Ф. 3149. Оп. 1. Д. 397. Л. 64.

⁹⁹ Г. Марков, *Писатель и пятилетка (Художественная публицистика: проблемы, поиски, решения)*, “Вопросы литературы”, 1973, 5, с. 14.

¹⁰⁰ В своем докладе Марков упомянул еще одного постоянного автора “ЖЗЛ” — О.Н. Писаржевского (1908-1964), но он к тому моменту уже много лет как умер.

¹⁰¹ В дневнике 1986 г. помощник М. Горбачева по международным

делам А. Черняев называет Маркова “символом брежневщины” в советской литературе. А. Черняев, *Совместный исход. Дневник двух эпох. 1972-1991 годы*, Москва 2008. Запись от 22.06.1986. Цит. по: <https://corpus.prozhito.org/note/61940> (последнее обращение: 02.09.2023).

¹⁰² Г. Марков, *Писатель*, указ. соч., с. 14, 17-18, 20. Эти темы были близки жанру “научно-художественной литературы”, изученной М. Шварцем (M. Schwartz, *A New Poetics*, указ. соч.).

¹⁰³ О роли микроистории в проблематизации больших нарративов: К. Ginzburg, *Microhistory: Two or Three Things that I Know About It*, “Critical Inquiry”, 1993 (XX), 1, с. 10-35.

поведения писателей и редакторов в этот период. В дневниковой записи 1978 г. писатель признавал, что за время конфликта научился “умелым письмам, метким звонкам и контрдемагогии”¹⁰⁴ — то есть освоил новые для себя “правила игры” в литературе. Новым, по сравнению с институциональным дизайном 1960-х, стало представление о том, что судьба книги может быть решена путем кулуарных договоренностей. Попытки администраторов и редакторов “создавать проблемы” неуютным с их точки зрения авторам вызвали сопротивление; одним из способов сопротивления стало обращение к влиятельным агентам литературной системы. Вопреки стереотипу, представители литературного истеблишмента не обязательно выступали как реакционеры: в издании *Нильса Бора* поддержка Г. Маркова помогла Данину преодолеть давление редакторов-антисемитов.

В то же время микроисторический анализ позволяет детально зафиксировать масштабные сдвиги в культурной повестке — так, к середине 1970-х гг. в редакции “Жизни замечательных людей” изменились представления о герое биографии и способах биографического письма. Нильс Бор как представитель всемирной передовой науки, заставлявший думать об этической и политической ответственности ученого, казался руководителям “ЖЗЛ” 1970-х опасным. Ю. Селезнев сформулировал это в рецензии на рукопись:

[...]идея Вашей рукописи может быть истолкована следующим образом: беда Мира и человечества не в том, что существует капитализм, буржуазная идеология и т.д. со всеми вытекающими последствиями, а в том, что Мир и человечество со своими государствами, партиями, правительствами не хотят слушаться своих истинных пророков — “высоколобых технократов”¹⁰⁵.

Как показал Дэвид Холлоуэй, деятельность советских физиков в 1960-е гг. можно воспринимать и как процесс формирования гражданского общества: получившие относительную интеллектуальную автономию в рамках ‘атомного проекта’ ученые делали попытки расширить автономию других

наук (например, пострадавшей от ‘лысенковщины’ биологии). Благодаря автономии некоторые физики — в первую очередь, А. Сахаров — стали вырабатывать политические концепции, критические по отношению к советской системе (и опирающиеся на принципы научной рациональности)¹⁰⁶. В 1970-е гг. эти попытки политически преследовались.

Можно утверждать, что факторами затягивания издания были и политические причины (проходившая в 1975 г. кампания против А. Сахарова и политика государственного антисемитизма, усиленная личными убеждениями Ефимова и Семанова), и более глубокие идейные разногласия автора и редакторов — о задачах деятельности ученого и способе написания его биографии. История издания *Нильса Бора*, таким образом, проблематизирует меняющееся восприятие ученых и современной науки в разных по идеологическим воззрениям фракциях позднесоветской интеллигенции.

www.esamizdat.it ◇ М. Лукни, Нильс Бор Данила Данина и изменения “правил игры” в редакции серии “Жизнь замечательных людей” (1969-1978) ◇ eSamizdat 2023 (XVI), pp. 85-99.

¹⁰⁴ Д. Данин, *Монолог-67*, указ. соч., с. 25. Добавление 1978 г. к записи от 08.02.1967.

¹⁰⁵ Ю. Селезнев, *Рецензия на рукопись*, Москва, РГАЛИ. Ф. 3149. Оп. 1. Д. 469. Л. 35.

¹⁰⁶ D. Holloway, *Physics, the State, and Civil Society in the Soviet Union*, “Historical Studies in the Physical and Biological Sciences”, 1999 (XXX), 1, с. 173-192.

◇ *Niels Bohr by Daniil Danin and Changes in the “Rules of the Game” in the Editorial Office of Lives of Remarkable People Series (1969-1978)* ◇

Maxim Lukin

Abstract

This paper presents a microhistorical investigation of the conflict that arose in the editorial office of the series of biographies *Lives of Remarkable People* (*Zhizn' Zamechatel'nykh Liudei*) during preparation for the publication of Daniil Danin's book *Niels Bohr* (1978). Based on Danin's extensive correspondence with the editors, the paper reconstructs the stages of the conflict between 1969 and 1978, including the nature of editorial claims and the author's disagreements. The publication conflict regarding *Niels Bohr* allows the author to examine the shifting ideological agenda and evolving perceptions of working relationships within the editorial office of the series during the transitional period between the Thaw and Stagnation eras in Soviet history. Microhistorical optics also shed light on the less apparent involvement of the USSR Writers' Union functionaries in resolving this conflict and the attitudes towards modern science and scientists among conservative circles of the Soviet intelligentsia in the 1970s, marking the evolution of late Soviet culture and society.

Keywords

Niels Bohr, Daniil Danin, Microhistory, Cultural Policy, Editorial and Publishing Process, *Lives of Remarkable People* Series.

Author

Maxim Lukin is a final-year undergraduate student in History and a research assistant at the International Laboratory for Social Integration Research at HSE University in Moscow, Russia. His research interests include the social and cultural history of the Soviet Union, Soviet youth and cultural policies, historical sociology of literature, and temporality studies. His research has been published in the peer-reviewed journals “*Novoe Literaturnoe Obozrenie*” and “*Herald of the Perm State University. Series: History*”.

Publishing rights

This work is licensed under **CC BY-SA 4.0**

© (2023) Maxim Lukin